

Сергей Павловский

Такая работа

роман

Глава 1

«Хвост» прилепился к служебной «Волге» Емельянова с самого утра. Целый день он мотался по малозначащим делам и все время сзади болталось какое-нибудь авто. Машины-поводыри периодически сменялись, и всего за день Емельянов насчитал их шесть.

Слежка велась на хорошем профессиональном уровне, а если учесть еще и оснащенность автопарка, то на хвосте у него «висели» либо сотрудники ФСБ, либо очень крутые ребята из неизвестной группировки. В Южанске он во всяком случае с подобными группировками не сталкивался.

«Хвост» в тот день ему не мешал, а потому заняться им Емельянов решил попозже, ближе к вечеру. Покончив, наконец, с текучкой, он привычно заглянул в зеркало заднего вида. Теперь его вела бежевая «шестерка».

В арсенале полковник Емельянов имел всего три метода работы с «хвостом». Первый, самый

простой — отрыв. Второй, самый сложный — переключение. Это когда ты вначале отрываешься от преследования, а затем в свою очередь садишься на «хвост». Тут нужна классная подготовка, да и процесс весьма трудоемкий. А третий способ... К нему-то Емельянов и решил прибегнуть после непродолжительного размышления.

«Ладно... Покатались — и хватит, — пробурчал он и вырулил на крохотную автостоянку перед отелем «Заря».

Бежевая «шестерка» приткнулась к обочине метрах в тридцати сзади. Емельянов неторопливо выбрался из машины, блаженно потянулся и неспешно зашагал к ярко освещенному входу в отель... Проходя мимо «шестерки», скосил глаза: в салоне о чем-то оживленно спорили трое мужиков. Они даже не глянули в стороны Емельянова.

Двоих парней он мельком знал в лицо. Эти двое представляли «контору»¹. И он сталкивался с ними — где, когда, не важно, но точно, сталкивался. Третьего Емельянов видел впервые.

«Значит, все же, контора», — отметил он и улыбнулся. Дело упрощалось. Емельянов резко развернулся на каблуках и гаркнул в приоткрытое окно «шестерки»:

¹ Контора — (слэнг) раньше так называли КГБ.

— Здорово, мужики!

Нельзя сказать, что «мужики» опешили, но смешались, точно.

Емельянов немедля сунул в салон руку с красной корочкой:

— Полковник ФСБ Емельянов.

Парни вволю полюбовались его физиономией на фото и лиловой печатью. Емельянов спрятал удостоверение и подмигнул водителю:

— Ну-с, ребятки, а теперь предъявите ваши документки.

— А на каком, собственно основании? — играя удивление, спросил тот, третий.

— Попрошу ваши документы, — уже с металлом в голосе повторил Емельянов.

— А если, предположим, у нас их нет?

— Предположим, — согласно кивнул Емельянов. — Тогда, пожалуйста, наберите во...он по тому телефону номер двадцать четыре — четыре ноля.

Еще не стемнело, и он заметил, как лицо водителя полыхнуло румянцем.

Емельянов презрительно скривился:

— Давай, деревня, набирай поживей.

Формально, конечно, они могли послать его подальше, но вместо этого водитель нехотя нажал на указанные кнопки с цифрами — сказалось вколоченное в голову чувств субординации.

После трех длинных гудков, послышался щелчок — включился автомат записи, а затем начальственный басок коротко уведомил: «Здесь Серегин», — и сразу строго спросил: «Кто на аппарате?»

— Давай-ка сюда трубочку, — протянул руку Емельянов, и водитель послушно вложил ее в широкую ладонь полковника.

— Здорово, Серегин, — небрежно приветствовал начальника областного Управления безопасности Емельянов. — На аппарате, как Вы, выражаетесь, Емельянов.

— Ну, теперь слышу. А за каким х...м?

Старый добросовестный служака еще застойных времен, полковник Серегин туго знал свое дело; особенно если сложность дела состояла в умении вовремя высунуться и, что не менее важно, в критический момент так же незаметно прикрыться чужой спиной. А дипломатическим способностям Серегина мог позавидовать любой полномочный посол. И единственно, что резко отличало его от какого-нибудь консула, так это полное отсутствие у полковника службы безопасности манер, принятых дипломатическим этикетом. От старых же времен и предшественников Серегин унаследовал профессиональный слэнг, в котором на четыре нецензурных выражения приходилось только одно

употребимое в приличном обществе. Это единило полковника и с народом, и с начальством. Ну а его подчиненные, как ни странно, легче всего понимали именно такой соленый язык.

— За каким х...м, спрашиваешь? — усмехнулся Емельянов. — А вот угадай: откуда я звоню?

— А я что тебе: Якубович с «Поля чудес»? Кончай в...ся.

— Значит, не угадал. А звоню из машины номер... ага, вспомнил — тридцать три двадцать один ЮГА. Знакомый номерок?

— Ну ты совсем о...ел. Я ж не картотека ГАИ.

— А машинка-то твоя, — злорадно хихикнул Емельянов. — И трое салаг в ней — тоже твои. Так поясни мне, дружище, за каким хреном твои ребятки меня с утра пасут?

Пауза вслед за этим нелегким, надо признать, для Серегина вопросом последовала короткая — всего пара секунд. В который раз Емельянов отдал должное изворотливости и сообразительности шефа местной секретности службы.

— Мои, говоришь? — Серегин коротко хохотнул. — Ну-ка дай трубочку старшему.

Емельянов безошибочно сунул ее тому, незнакомому.

Водитель не догадался выключить селекторный динамик, и все слушатели получили

возможность насладиться чудесным монологом полковника Серегина, в котором тот умудрился не употребить ни единого парламентского выражения.

После такого внушения троица быстренько извинилась и смоталась на своей «шестерке», а Емельянов повторно созвонился с Серегиним уже из своей «Волги» и по резервному особому номеру. Разговоры с этого телефона не записывались и не прослушивались. Впрочем, последнее можно было утверждать с небольшой долей уверенности.

— Понимаешь, чертяка, — искательно начал Серегин, и Емельянов живо представил, как он прижимает руку к груди. — У меня ж приказ из центра. Ну рассуди — на кой х...й мне лично все это нужно? Ты видел того х...а, что у них за старшего? Это ж не мой хлопец, а боровиковский. А Боровик, сам знаешь, мне подчиняется только формально, а по сути он подчиняется только Центру. А на меня батон ложил, как... к примеру, и ты сам. А я...

— Ладно, не суетись, — прервал его Емельянов. — Приказ, конечно, нужно выполнять. Только зачем такой приказ вышел, ты, конечно, не знаешь?

— Ей-ей, ни слухом, ни духом. Пospрошай лучше свое прямое начальство.

— Неохотно, но верю. А совет грамотный — я завтра же вылетаю в столицу.

— Во! Правильное решение, там и разбирайся. А я что... Только ты не очень там наезжай на моих хлопцев. Я как только х...в приказ получил, так сразу и сказал: «За таким перцем, как Алекс, уследить невозможно — не тот уровень». А они...

— Ух, утомил ты меня, не дрейфь, не подставлю, — заверил Емельянов, хотя точно знал, что если и не подставит, то уж кипятку в трусы нальет.

— Вот спасибо. А я, сам знаешь, рассчитаюсь при случае.

«Да... ты рассчитываешься, — криво ухмыльнулся Емельянов и повесил трубку. — Небось Бога молишь, чтобы убрали меня с твоего горизонта. А в Столицу придется лететь, дело нужно прояснить».

Особых тревог ни слезка, ни приказ Столицы у Емельянова пока не вызывали. Это могла быть обычная профилактическая проверка сотрудника, но выяснить отношения, конечно, следовало. Но главное, повидаться со своим непосредственным и настоящим, а не официальным шефом. Тот наверняка должен знать — что к чему. Удивляло только, что генерал Долганов не предупредил Емельянова о возможных осложнениях.

По дороге домой, верней по дороге на одну из своих очередных квартир-пристанищ, Емельянов

еще притормозил у обычного уличного автомата и дал ЦУ своим собственным гвардейцам. Таковых в штате Южанского «филиала» военной стратегической разведки числилось всего трое. Майор Сагайдачный — Робин Гуд и лейтенант Колесов — Янычар. И, конечно, сам Емельянов.

Собственно никакого филиала и не существовало, как официально и документально не существовало и его сотрудников. Только полковник Емельянов состоял в штате ФСБ, да и то без должности. Остальные «служили» в обычных воинских частях. Предназначена была их группа, как и вся служба, для того, чтобы ловить шпионов и вести разведку.

Но за последние десять лет Емельянов не смог похвастаться, что сталкивался с простым, не защищенным приличной госдолжностью или мандатом человеком, который хотя бы подозревался в шпионаже в пользу другого государства.

А сам он «шпионил» так давно, что и Африка, и Ближний Восток стали далекой и забытой сказкой; чудной сказкой молодости, которую некогда воплощало в жизнь Главное Разведывательное Управление ВС СССР. Ну да не в этом беда. Работы и в Отечестве хватало и дай им задание ловить иноземных агентов — ничего, справились бы. А пока воевали со своими,

доморощенными... И не совсем «агентами». Но, когда Емельянов задумывался, каким бы словечком охарактеризовать свою нынешнюю деятельность, то на ум приходило именно это: «воюем».

И тайная эта гражданская война, казалось, не имеет конца. Воевали не за принципы — за власть, за деньги, что по сути одно и то же. На пути к цели «красные» мгновенно белели, как только обзаводились кой-каким имуществом и положением, и новые «белые» тотчас зеленели от страха, что «красные» на это имущество и положением покусятся. И только Емельянов и ему подобные бесцветным своим существованием служили и тем, и другим.

Любой депутат, мэр, губернатор или министр могли смело открывать свое дело и вертеть деньгами, как им угодно. От Закона и налогов их защищали должности и положение, а от рэкета и мафии — Емельяновы и Серегины. Только Серегин прикрывал местных князьков, а Емельянов тех, что на самом верху.

Управившись с делами, Емельянов купил в киоске бутылку пива «Гессер» и со спокойной душой покатил на квартиру.

Семья второй месяц отдыхала в Мисхоре и намеревалась провести на море весь остаток лета — так полезней и Петьке, что в этом году идет в шестой класс, и Светке, что неожиданно

расхворалась зимой. Потом они вернутся домой, в Новочеркасск — там теперь их и его дом. И, конечно же, он вырвется на пару недель.

«Тоже мне, муж и отец, — горестно посетовал Емельянов. — Семью два раза в год вижу с работой этой проклятой. Ну да в Новочеркасске и им и мне спокойней».

Глава 2

— Какого хрена... — возмущенно ворчал Сергей, нашаривая босыми ногами тапочки. — Три часа ночи... Вставай — иди к телефону... До утра, конечно, не могли подождать.

Пошатываясь со сна он медленно зашлепал в коридор. Квартуру снимал уже третий месяц, а дотянуть телефон до спальни все руки не доходили.

— Алло, квартира Броницких?

Хорошо знакомый голос, но лучше бы Сергей его никогда в жизни не слышал.

— Да, квартира Броницких, Вас слушают.

— Я по поручению Вашего брата. Он не смог дозвониться и передать, что будет проездом. Поезд четыреста восьмой Москва — Ставрополь. В Южанск пребывает в одиннадцать двадцать пять.

— Ой! Спасибо Вам, это такая радость, — залебезил Сергей. — А для Вас такое беспокойство.

— Ничего, ничего, — успокоил голос в

трубке. — Спокойной ночи.

— Вам того же.

Сергей зябко поежился и безвольно опустился на кушетку возле тумбочки с телефоном.

Сон быстро улетучивался. Какой там к черту сон после такой телефонограммы. Звонил, конечно, Алекс. Приезд брата — объявление чрезвычайного положения. Все остальное — номер поезда, время прибытия не имело ровно никакого значения. Так, маскировочная мишура.

На случай чрезвычайного положения разработаны и заучены строжайшие инструкции. Все действия агентов продуманы и рассчитаны до тонкостей, секунд — и никакой самодеятельности. На практике же ни с чем подобным Сергей по счастью не сталкивался.

«Постой! Что же там следует делать в первую очередь? — испуганно встрепенулся он, стряхивая остатки сна. — Черт! Ага! Немедленно сматываться с квартиры. Куда? О! Вспомнил!»

Адреса, телефоны, время, пароли автоматически проскакивали в голове без осечек!

«Хорошо все же, когда за тебя подумали, — отметил Сергей, уже запихивая в дорожку сумку скудные пожитки. — Правда, всегда остается шанс повторить подвиг профессора Плейшнера.

Алекс? Кажется, у Штирлица тоже была эта кличка. Почему Алекс? Ах да... от Александр. Ой!

Еще бы не минутку в туалет. Интересно: эти физиологические мелочи они в своем плане продумали?»

Кто это — «они» Сергей толком не представлял, но «они» существовали, как, увы, существовали и те, другие. И эта игра в «казаки-разбойники» может показаться смешной, если в нее играют другие, скажем на экране телевизора или на страницах романа. Тем более когда ты сам уже продырявил не одну брэнную человеческую оболочку и прекрасно знаешь, как это организуется.

Машина Сергея, скромненький старый «Москвич», ночевала в соседнем дворе. О ней придется забыть. С объявлением Чп все, абсолютно все старое отсекается. Имя и фамилия, адрес, транспорт, знакомства. Слово человек рождается заново и начинает совершенно другую жизнь. Только прокручивает ее в ускоренном темпе.

Сергей вышел из подъезда, поежился от ночной прохлады, глянул в небо. Темень, хоть глаз выколи, еще и дождик моросит какой-то не летний.

До ближайшей стоянки такси с километр по темным кварталам. Прогулка не из приятных. Хулиганов Сергей не опасался — ни пистолета, ни удостоверения его пока никто не лишил. Но «тех» следовало уже побаиваться, хотя степень угрозы он мог осознать только после встречи с Берсерком.

До стоянки Сергей добрался благополучно, если не считать промокших ног. Две машины сиротливо поблескивали мокрыми боками в желтом свете единственного фонаря. Водители мирно подремывали в сиденьях.

Сергей склонился к окошку передней машины и легонько стукнул пальцем по стеклу. Таксист вздрогнул и изумленно вытаращил на неожиданного пассажира соловые глаза.

— На вокзал, шеф.

«Шеф» еще не проснулся, но тем не менее привычно выпалил:

— Пять баксов.

— Идет.

Сергей забросил на заднее сидение тощий сидор и с удовольствием забрался в прогретый уютный салон. До вокзала добрались минут за сорок, и он даже успел вздремнуть.

В эти ночные часы вокзал замирал — отдыхал на свой манер. Сергей расплатился с таксистом и задержался возле ночного коммерческого киоска. Выпил вместо завтрака бутылку пива, заодно огляделся. Затем неспешно направился к камерам хранения.

Предназначенный ему пакет находился в одной из ячеек с номерами от четырехсотой до четыреста сороковой. Код впечатан в память. Он почти никогда не меняется, как и все резервные

коды и пароли. А вот номера ячеек зависят от текущего месяца минус двойка. Сейчас шестой месяц — значит, первые десять после четырехсот. И так на любом вокзале, в любом городе, куда занесет нелегкая.

Сергей неторопливо пробирался по лабиринту из железных пронумерованных ящиков и пристально вглядывался в их одинаковые до неприличия лица.

Вот, едва заметно процарапанная, словно шкодливой рукой, буква «С» под номером четыреста девять. Это знак для него. Сергей уверенно набрал код, и ларчик с послушным щелчком отворилась. Вот и пакет, верней пузатый портфель с наборным замком.

Кто и когда его вложил, Сергей не ведал. Может — Берсерк, накануне, а может кто другой. Этого и знать не полагается. Факт, но на него всегда работали десятки людей, которых он никогда не знал и не видел, так же, как люди эти не подозревали о его существовании на Земле грешной.

Сергей потянул на себя портфель, а взамен зашвырнул свою сумку с пожитками, документами, старым оружием. Ее потом заберут. Кто и когда — неизвестно, да и неинтересно.

В новом же портфеле есть все необходимое в новой жизни. Документы, оружие, инструкции.

Чья-то заботливая рука наверняка вложила даже бритву и зубную щетку с пастой. Но главное, конечно же, деньги. Их теперь ему понадобится много.

Сейчас необходимо срочно ознакомиться с содержимым портфеля, и Сергей направился в кооперативный туалет. Хорошо, что уровень цивилизации дорос до таких вершин, что в частных общественных уборных стали оборудовать отдельные кабинки с защелками. Задвинув щеколду, Сергей устроился поудобней на толчке, открыл портфель.

«Так... документики... Захаров Иван Федорович, подполковник в отставке, заслуженный армейский пенсионер. Ха!»

Все же в работе его конторы есть отличительная черта. Все липовые личины, в которых он побывал за время работы так, или иначе были связаны с армией.

Тут крылись две причины. Конечно же, стратегической военной разведке удобней оформить подлинные военные билеты, водительские права и прочие удостоверения, чем пользоваться и добывать цивильную липу. А во-вторых, при любом столкновении с УВД или с СБ военнослужащий сразу передается военным властям и тут, как говорится, все карты на руках. Но пенсионер — это, конечно, слабовато, — хотя

пенсионное удостоверение высшей марки, как у инвалида войны.

«Значит, я теперь еще и инвалид! Ого! Три ранения и два боевых ордена! Ветеран! Водительские права, техпаспорт, сумочка с ключами... — перебирал свое богатство Сергей. — На чем мы катаемся? «Таврия» — как и положено инвалиду. И где она? Вот, квитанция... На платной стоянке в трех остановках от вокзала. Чудно. А вот и пушка!»

У Сергея даже дыхание сперло от восторга. «Люгер»! Новехонький «люгер», аппетитно пахнущий свежей смазкой. Идеальная убойная машинка. Следует отдать должное, оружием его всегда снабжали классным. Да и кому, как не ему, заслуженному мастеру спорта, судебному эксперту, оружейнику в прошлом, а ныне профессиональному киллеру доверять подобную технику?

Теперь деньги. Сергей с сожалением оторвался от новой игрушки и пересчитал «командировочные». Десять тысяч «зелеными» и двадцать миллионов отечественными. В разных купюрах. И тут не поскупились, видно дело и впрямь наклевывалось серьезное.

Деньги Сергей разделил на три равные части и рассовал в разные места.

«Все? Ну конечно же: — зубная щетка, бритва, паста... Бог ты мой! Пара новехонького

белья, бутылка «Столичной», консервы, шоколад, кофе, сигареты. Полный сухой паек на три дня. И даже в этом ощущалась заботливая армейская рука. Красть — кради, но что полагается в случае нужды по Уставу — то вынь, да положи служивому.

Гэбисты, положим, тоже регулярно получают пайковые, но подобного «тонкого» отношения к сотрудникам у них нет. Может потому их люди и продаются легче».

Документы — в нагрудный карман, «люгер» — в специальную прорезь-кобуру под подкладкой куртки, на поясице слева. Там его при поверхностном обыске сразу и не нащупаешь, а достать удобно. Теперь можно и на автостоянку, осваивать приданное авто. В восемнадцать ноль-ноль следует выйти на конспиративную, абсолютно «чистую» доселе квартиру.

«Система оповещения, безопасности, сорок утюгов на подоконнике — все, как полагается. Интересно только: чем «порадует» Берсерк?»

Глава 3

Дверь отворил Алекс — Берсерк — Емельянов собственной персоной. Сергей церемонно поклонился.

— Проходи, проходи, — дружески хлопнул его по плечу Емельянов. — Чистый?

— Вроде. Во всяком случае проверял все «по Уставу».

— Машину где оставил?

— За квартал.

Емельянов одобрительно кивнул. Сергей между тем оглядывался без особого интереса. Квартира, как квартира. Однокомнатная коробочка в новом девятиэтажном доме. Обставлена довольно убого, да ему в ней не жить. И неизвестно — кому жить.

В комнате, на продавленной кушетке уже обосновался Янычар — розовощекий жизнерадостный лейтенант, недавно испеченный в столичном институте военных переводчиков. На грязную шпионскую работу лейтенант все еще смотрел восхищенными романтическими глазами; впрочем, наделен был нужными способностями и подавал надежды превратиться в законченного секретного мерзавца со всеми прилагающимися принципами. Кроме Янычара в их Южанском синдикате Сергей никого не знал.

Янычар, как и полагается перед старшим по званию, вскочил, вытянулся.

— Садись, ты же не в казарме, — скривился Сергей и протянул руку. Янычар с чувством пожал ее. Если на Берсерка он смотрел как на Бога, то к Сергею относился как к действующему апостолу.

— Наконец-то вся триада в сборе, — пошутил

с порога Емельянов. В руках его шипел пузатый чайник.

Сергею намек на «Якудзу» не понравился, но он деликатно промолчал.

— Устраивайтесь поудобней, коллеги, — балагурил Емельянов, разливая кофе по разнокалиберным чашкам из разных сервизов. — Разговор предстоит в этот раз долгий, и я намерен хорошенько надоесть вам старческими наставления.

И Сергей, и Янычар, которого в миру звали Дмитрием, уже хорошо усвоили: если шеф шутит — дело серьезное. Впрочем, в шутку чрезвычайное положение не вводят.

— Сахар кладите по вкусу. Ложечка, к сожалению, в единственном экземпляре...

А теперь — к делу. Два дня назад ваш покорный слуга заметил за собой «хвост». Вначале он расценил его как демонстрацию, но не учел, что засек его только потому, что недооценивал собственные скромные способности и навыки, поскольку «хвост» оказался настоящим, профессиональным; хотя его организаторы «сверху» так же недооценили мои способности.

Ну это не существенно. Теперь главное: зачем и кому понадобилась слежка.

Кому — я выяснил в первый же день своей командировки в Центр. Понадобилась она моей второй альма такой-то матери. Гораздо интересней

— зачем. И это я выяснил уже в действительно родной конторе. И, честно говоря, поначалу оказался в цейтноте. Презабавнейшая, доложу вам, каша заварилась наверху в связи с новыми правительственными перемещениями. И мы, скромные трудяги, должны теперь эту кашу расхлебывать. Десертными ложечками.

Емельянов вздохнул, глотнул кофе и достал сигареты.

— Извините, шеф, — воспользовался паузой Сергей. — До сих пор Вы выражались несколько аллегорично. Если Вас не затруднит, теперь попроще — для пролетариев плаща и кинжала.

— Можно и попроще, — милостиво кивнул Емельянов. — Суть проблемы состоит в том, что началась беспрецедентная — даже не очередная, именно беспрецедентная, — грызня между спецслужбами и даже отдельными их подразделениями. Привычное, в общем-то, явление во всех странах, где существует более двух спецслужб, но я лично в подобную ситуацию попадаю впервые, тем более, что состою в обеих конторах одновременно.

— А причина этой грызни?

Нетерпеливый Янычар даже осмелился нарушить субординацию. Ему уже мерещилась война коварных гвардейцев кардинала с благородными мушкетерами.

— Причина самая прозаическая, — разочаровал его Емельянов. — Тот, кто пришел наверху к власти, решил быстренько запустить лапу в нефтегазовый оазис. На виду — это всякие там квоты и лимиты, ограничение числа фирм-участников, короче, благообразная возня у престола Газпрома. Конечно, заметно изменилась расстановка сил в связи с чеченскими безобразиями. Так вот, кто-то уже достаточно сильный, но еще не накормленный, сунул лапу в парафию Газпрома — и тотчас по этой лапе и получил. Обидно? Конечно. И я бы лично обиделся. Но в данной ситуации мы тот как раз выступаем на стороне, которая давала по протянутой лапе. И на примере нашего города смею заверить — мы не позволим мешаться в дело, которое сами поставили с таким трудом. А служба безопасности оказалась на противоположной стороне, и сверху им сказали: «Фас»!

— Что: так прямо и сказали? — недоверчиво фыркнул Сергей.

— Конечно же нет, святая ты простота.

Берсерк рассыпался мелким смешком:

— Там же, наверху, все ангелы. Это мы подонки. Они там улыбаются друг другу, жрут водку в саунах и на охоте, дружат семьями. И в этом противоречивость нашего положения. Паны не дерутся — деремса мы, холопы. А они ни слухом,

ни духом не ведают, что творится. А если что — тотчас отрекаются от своих верных холопов.

Поэтому никакой крыши и официальной поддержки в этой войне мы не получим. Впрочем, как и наш противник. Нет, информацией и средствами нам, конечно, помогут, в остальном же — воюем на свой страх и риск.

— И у нас есть шанс победить? — усомнился Сергей.

— Есть, — жестко заверил Емельянов. — Мы ведь не одни такие. И каждый будет отстаивать свой окоп. Наш окоп — Южанск. В остальных есть свои защитники. Теперь — конкретно. Задача противника — хлопнуть нас и свалить вину на мафию. Для этого ему нужно доказать нашу причастность к мафии, что, положив руку на сердце, имеет место.

Наша задача — не дать себя хлопнуть, выявить противника и доказать его связь с мафией, — что безусловно тоже имеет место. Себя, таким образом, вы выставим непорочными и чистыми борцами за правое дело.

— Ничего себе перспектива, — почти ахнул Сергей. Он налил себе уже остывшего кофе и закинул одним глотком — словно водку выпил. Затем поднялся и заметался по комнате, рассуждая на ходу: — Ничего себе перспектива, — воевать с ФСБ!

— Не со ФСБ, — поправил его Берсерк. — Это неоднородная структура и воевать придется с теми его... гм... подразделениями, что откроют военные действия. Вот их то и следует выявить — и разоблачить. Не публично, конечно.

— А это реально? — едва слышно осведомился притихший Янычар.

— Да, — Емельянов снисходительно улыбнулся: — А откуда, по-твоему, берутся громкие разоблачения, дела, связанные с деятельностью спецслужб? Что: не учили? Поясню. Просто одна спецслужба, прикрывающая определенную политическую группу, оказалась проворней и откопала компромат на своего менее расторопного конкурента. Правда там, — Емельянов ткнул куда-то за спину большим пальцем, — после таких разоблачений подают в отставку или садятся за решетку, а у нас либо переводятся в другое ведомство, либо сматываются в Канаду, например, проживать до старости награбленное. Ну да это, так сказать, стратегия, а тактика...

И Берсерк изложил «тактические» наработки. Если и стратегические его выкладки Сергей и Дмитрий слушали не то, чтобы изумленно, но с изрядной долей безрадостного удивления, то здесь уж и рты разинули.

По данным Емельянова, против них в

Южанске будет действовать особая группа «чекистов» из Центра. Сам Емельянов узнал это от генерала Долганова, а больше тот пока ничего не смог сообщить. Впрочем, что из себя представляют подобные группы, Емельянов знал и без Долганова. Всего несколько человек, чаще пятеро, иногда семеро. Численность, как правило, никогда не превышала семи. Все — профессионалы высочайшего класса, широкого профиля, но и с узкой специализацией. Один водитель, он же при необходимости летчик. Радиотехник-электронщик. Спецтехнарь, которому ничего не стоит раскурочить в мгновение ока любой сейф. Киллер с опытом, двое молодых и расторопных на подхвате и... Красивая умная баба. Таков приблизительно состав, но возможны варианты.

Все это мог предположить Емельянов-всезнайка. Конкретно же он не располагал никакими сведениями. Кто? Сколько? Когда? Эти вопросы пока оставались без ответов. А слежка, из-за которой он заподозрил неладное, — ерунда, официальное, можно сказать, предупреждение.

— Господи, — Сергей только покачал лысой головой, когда Емельянов закончил. — И во имя чего мы должны заниматься подобной херней? Что лично мы получим от этого?

— Работа у нас такая, — Емельянов с едва

уловимой иронией заглянул Сергею в глаза. — Так или иначе, хоть и в силу обстоятельств, но мы сами такую выбирали. Теперь обсудим план действий — и... удачи нам!

Глава 4

Дачка, на которой Сергей временно обосновался, относилась к разряду самых заурядных. Двухэтажный домик, где кирпичный, где деревянный, а где и просто глиняный. Впрочем, для кого дача, а для кого и дом. Жила в нем семья из двух человек, не считая, конечно, кота и собаки, что являлись полноправными членами семьи.

Хозяева — все еще миловидная хохлушка лет пятидесяти, Галина Осиповна, да ее муж, Филипп Андреевич — суетливый добродушный работяга-колхозник. К Сергею они с первого дня относились с трогательной заботой. Может потому, что собственный их оболтус пропадал пятый год где-то на заработках в Сибири и возвращаться в родные пенаты не собирался, а скорей потому, что не могли иначе относиться к гостю.

Сам же Сергей, по легенде, любитель рыбалки и охоты, долечивался на природе после перенесенной операции на легких. Сердобольная хозяйка, прознав о тяжелой болезни Сергея, тотчас прописала ему молочную терапию, и трижды в день

он потреблял парное молоко прямо от вымени и притом бесплатно. Впрочем и за остальные услуги — постой, трехразовое питание, — плата едва ли превышала символическую. От таких забот Сергей уже на третий день заметил поправку в весе, а на щеках едва заметные признаки румянца. Да и что здесь странного, если все три дня он только спал, пил парное молоко, да глотал чистый воздух у речки.

Места в окрестностях поразительной красоты, такие встречаются только, наверное, здесь, в низовьях Дона. И все объекты природы опозтизированы великим множеством поэтов-деревенщиков. И садочки вишнево-грушево-яблочные возле каждой хаты; и вербы, что купают волосы в ставках; и дубовые гаи по берегам тихой речушки, где перекликаются сычи.

Рыбалка чудная — тарань, лещ, щука, карась, карп. А в крохотном сельпо всегда свежее пиво в бутылках и горячий дока-хлеб — дар капитализма, если учесть, что при социализме хлеб завозили раз в неделю.

Сергей блаженствовал и молил Бога, чтобы такое времяпрепровождение никогда не закончилось. Ужинали рано, в густо заплетенной лозой беседке и, конечно, Галина Осиповна не могла отказать себе в удовольствии похвастаться

кулинарным искусством. Меню менялось, пожалуй, каждый день. И когда только поспевала? Да, такие они, хохлушки, и есть — мелькают, мечутся целый день, за все дела сразу хватаются. Кажется ничего и не сделают в суете и хаосе. А глянь — уже и хата выметена, и из казанков запах завлекающе-сытный, и бельишко сушится, салат накрошен из овощей, что только с огорода. А еще в сельпо сбегала, да с соседкой успела побалакать, да корова, да свинья. Разве все перечислишь?

А хозяин — тот в поле. Мужик нарасхват — и тракторист, и шофер, и механик. А нужно, так и плотник, и сварщик. Вечером, конечно, любил принять стаканчик-другой, покурить смачно да дела мужские обсудить. Сам и первачок гнал классный, Сергей раньше такого и не пробовал, чтоб на травах, да градусов шестьдесят и голова чтоб наутро не болела.

Галина Осиповна делала вид, что сердчает, когда Андреевич нырял в погреб с пустой бутылочкой, но... именно «делала вид». Муж норму знал, а это главное для казачки.

Идиллия закончилась на пятый день. Хозяйка, как всегда за обедом, не столько ела сама, сколько хлопотала в летней кухоньке. Одновременно, по обычаю, составляла, редактировала и тут же выпускала информационный обзор сельских новостей. Новости, правда, не пестрели особым

разнообразием:

«У дида Свырыда кабанчик схуд, захворив — доведеться колоть. Председатель учора знову в мисто йыздыв. Привезли ледь живого — на руках в хату заносылы. И отак пье кожный день, ще й жинку бье. А грошей знов не дають. А Иван добрэ торгував вчора на кавунах О! А у Марыны тэж дачники живут. Вчора зайыхалы. Интелигэнтни таки, як Вы. Муж и жона, обыдва инжэнэры. Тай возрасту вашого. Уси на морэ, а ци, значыть, в сэло. А жинка дужэ вродлива. Сама бачыла, а вин... такэнький, швыдкий та меткий».

Сергей давно уже слушал с застывшей физиономией и с ложкой, застрявшей на полпути. И аппетит от таких новостей пропал.

«Действительно, какого черта не на море? — от неожиданно накатившей злости едва не выругался вслух. — Что делают летом нормальные супруги, да хоть и любовники? И баба красивая... По мою душеньку явились. Но как нашли? Впрочем, следует еще проверить. Может просто психую... Но...»

Одно Сергей знал точно: спокойная жизнь, пятидневный отпуск с содержанием закончились. И уже давно проснулось пресловутое шестое чувство, волчий инстинкт. И волк давно подсказывал навязчиво: «Большая охота началась и пахнет свежей кровью».

А ведь по плану Емельянова здесь Сергей должен чувствовать себя в безопасности — относительной. Сам Емельянов крутился в городе. Янычара упрятал на одну из квартир — как резерв. А Сергея отправил в сельскую местность — для работы в городе Сергею все же не хватало опыта, а личностью в определенных кругах он был довольно известной. В селе Робин Гуду легче — там все на виду, все знают друг друга. Появится кто чужой — Сергея сразу оповестят, нужно только поддерживать контакт с местными. Вот и появились...

Сергей с трудом справился с борщом и даже вареники с вишнями — «чвиркуны», — не лезли в глотку. Поблагодарил хозяйку за вкусный обед и поплелся к себе. Оглядел пристально в который раз крохотную комнатку на втором этаже.

Укрытие надежное. Окошко крохотное, и со ставнями. Подняться в комнату можно только по крутой скрипучей лестнице. Дверь, правда, хлипкая, хоть и с внутренним засовом: «Ну через дверь в открытую не сунутся. Что они, самоубийцы в самом деле? Не на лоха какого охотятся — на киллера-профи».

Запасной выход имелся — люк в потолке закрывал лаз на чердак. Хоть и заколочен он был изнутри наглухо, да отодрать тонкие доски дело нехитрое и займет пару секунд.

А еще во дворе охрана — злющий мохнатый дворянин Жук. Тот чужого не пропустит. Сергея он до сих пор не признавал, хотя тот регулярно и униженно приносил дань в виде костей со стола.

«Дома можно не опасаться, — в который раз попытался успокоить себя Сергей. — И недаром я выбрал именно этот дом. Но вот на рыбалке... Меня могут преспокойно хлопнуть метров с трехсот-четырёхсот. И мяукнуть не успею. Выход один: активная защита. Кой черт — защита? Нападение!»

Он достал из рыбацкой котомки завернутый в холстину «люгер», заботливо стер рукавом прилипшую к стволу ниточку. Быстро прицелился в муху на стене, замер так. Ничего... Рука не дрожит, глаза не слезятся.

Еще в арсенале у него крохотный «браунинг» тридцать второго калибра. Его тоже приходилось таскать с собой — в кобурке за шиворотом пиджака. В одежде такой жарковато по погоде, да в деревне большинство мужиков даже летом почему-то ходят в пиджачках и ничего, не упариваются. Так что вид его на общем фоне подозрений не вызывает.

Целый день Сергей проторчал в комнате, валялся на кровати и все пытался докопаться до сути. Каким образом его разыскали так быстро? Район, село, комнату он выбирал сам, сам и снимал.

Ни единая живая душа, кроме, конечно, Берсерка, не знали его местонахождения. Даже Янычар не знал. Вывод напрашивался сам собой: сволочь Берсерк использовал его в качестве приманки и сам же и сдал. Что ж, вполне логичный ход.

«А если, все же, загадочные супруги просто обычные дачники? Ведь разные причуды бывают у людей. М-да... Только у красивых баб таких простецких причуд не бывает и делать им на хуторе нечего».

Вечером Сергей вынужден был вылезти на свет божий. Какой же рыбак пропустит вечернюю зорьку? Можно было, конечно, сказать больным, но тогда от забот Галины Осиповны не отобьешься. А главное, что можно предпринять, сидя сиднем на месте?

По улицам села, верней по одной улице, Сергей пробирался, словно вор. Озирался то и дело пугливо, вздрагивал при каждом звуке. Трактор протарахтел в проулке — а уже автоматная очередь чудится. Потом плюнул на все, выпрямился.

«Если задумают хлопнуть сейчас, то поза не поможет».

Если бы Сергей мог знать, какие виды имеет на него противник. Нити всех афер, всех дел с мафией держал в руках Берсерк. Именно он был тем самым жирным пауком, что плел паутину. И чтобы разрушить сеть, раздавить необходимо

паука.

«А я что? — размышлял Сергей. — Только исполнитель, хотя и не рядовой. Жизнь моя большой цены и значения не имеет. И ни черта я не знаю, да поди, докажи... И кому доказывать? Но... Именно поэтому меня и попытаются взять живым. Потом, конечно, прикончат. Такой исход меня ни в коем случае не устраивает. Впрочем можно ведь посоветоваться с шефом. Решено: выхожу на экстренную связь».

Единственный телефон, с которого можно было связаться с городок, конечно же находился на почте. Сергей глянул на часы — восемнадцать десять. Почта уже закрыта.

Впрочем то, что является в городе неразрешимой проблемой, в селе, подобном Лепетихе, решается просто. «Почтарка», она же по совместительству телефонистка, жила рядом с почтой. Верней даже на почте, ибо крохотная хата-мазанка с синей вывеской «Почта — Телеграф» стояла в палисаднике ее дома.

Сергею даже не пришлось «давать крюка»: почта, как и остальные госучреждения — сельсовет, сельпо и больничка на двадцать коек, располагались на «центральной площади» посреди единственной улицы. Улица все еще носила имя Фридриха Энгельса, и в этом названии проявилась оригинальность местных властей — обычно

центральные сельские «проспекты» носят имя великого отечественного вождя пролетариата. Впрочем, напротив сельсовета красовался и его гипсовый бюст.

С почтаркой, Клавдией Ивановной, Сергей познакомится в первый же день приезда и сразу постарался стать на «дружескую ногу». Это ему удалось до такой степени, что почтарка повелела именовать ее тетей Клавой. Сейчас она ковырялась в своем огороде.

— Добрый вечер! — окликнул Сергей через забор. — Бог в помощь!

Хозяйка распрямилась медленно, уперев кулаки в поясицу, глянула из-под ладони, наконец признала:

— а, Серега... И Вам доброго вечера.

— Тетя Клава, — искательно прижал руку к груди Сергей. — А я до Вас, выручайте, срочное дело.

— Шо, подзвонить? — понимающе усмехнулась хозяйка. — Ну пойдём тогда скорее, докы коров не пригнали. Зараз... ключи визьму.

Она вытерла руки о фартук, поправила на голове косынку и неторопливо зашагала в хату. Так же размеренно вернулась, закрыла двери.

«И все то здесь спокойно, без суеты и нервов, — с завистью отметил Сергей. — И проблем, почитай, нет. Здесь бы жизнь доживать».

Тетя Клава уже отперла дверь почты и пропустила Сергея вперед. Старинный массивный аппарат матово отсвечивал на хромоногом столике. На межгород он выходил через районный коммутатор.

Процедура соединения занимала иногда пять минут, иногда час — все зависело от загруженности линии. Вечером линия была свободна и особых осложнений не предвиделось. Тетя Клева пощелкала тумблерами на пульте времен второй мировой, сняла трубку:

— Алло, Ньюра? Цэ Клава с Лепетихи. Ага. Ну як там в тэбэ? Шо? Ха... ха... ха... А у меня тут срочный, совсем срочно. Який номер? — она помахала Сергею.

Сергей быстро отбарабанил хорошо заученный набор цифр.

— О! А шо цэ за номер такый? — удивленно повела бровью тетя Клава.

— Это сотовый телефон, слышали может?

— А воно визьмэ?

— Визьмэ, визьмэ, — энергично заверил Сергей.

— Чуешь, Фрося? — она повторила комбинацию. — Ага... жду.

В этот раз не прошло и минуты, как аппарат на столике подпрыгнул и растревожил всех собак пожарным трезвоном. Сергей схватил трубку:

— Заказывали Южанск?

— Да, да...

— Соединяю.

Тетя Клава деликатно отвернулась. Требовать, чтобы она еще и уши заткнула, было по крайней мере свинством; кроме того Сергей знал, что разговор прослушивают и на районном коммутаторе — так, из любопытства.

— Да, Вас слушают.

Голос Емельянова звучал ясно и чисто, словно тот находился где-то рядом.

— Это я, Александр Николаевич.

— А... Серега, — обрадовался Емельянов. — Как здоровье-то, поправляешься?

— Потихоньку.

— Давай, давай, а то тут дел невпроворот, а ты сачкуешь.

— Так уж без меня и не справитесь?

— Справимся, но тяжеленько, тяжеленько...

— Александр Николаевич, я потому и звоню. Там у меня два проекта висели незаконченные. Да... Вы помните. Так я тут на досуге доработал. Надо как-нибудь переправить. Да, только два. Да? Вот хорошо...

Обрадовался Сергей искренне — Берсерк пообещал лично заявиться в ближайшие два дня. Значит так оно и будет. Он повесил трубку и улыбнулся почтарке:

— От спасибо, тетя Клава, выручили.

Сергей полез в карман, отсчитал деньги, протянул хозяйке.

— Ой, тетя Клавочка, не закрывайте, пожалуйста. Можно еще один звоночек сделать?

Женский голос за спиной и сам прозвенел колокольчиком, а Сергей так и обмер с протянутой рукой. «Так не говорят местные аборигенки. Акцент, интонации, тембр... Она...»

Он медленно, словно заморожено, повернулся на голос всем телом.

Назвать это создание юным язык не поворачивался. Ей уже перевалило за тридцать, но, странно, что именно позволяло сделать такое заключение, Сергей бы не взялся определить словами. За тридцать — и все тут.

Но — ни единой морщинки на лице; кожа атласная, гладкая; она туго обтягивала тело с идеальными голливудскими пропорциями. Волосы, золотая корона, собраны в замысловатый узел на макушке. Глаза... Такие Сергей встречал только у финок, когда еще в студенческие годы отдыхал в Карелии. Цвет их — чистейший ультрамарин. Чуть выпуклые, громадные... Для того, чтобы смело назвать любую женщину красавицей, достаточно одних таких глаз.

Все остальное — аккуратный носик, рот с чувственными губками, круглый подбородок с

ямочкой служили лишь оправой для двух карбункулов-глаз. Но и оправу природа-ваятельница сработала с ювелирной филигранностью. И ничего-то в ее облике не было порочного, а все же это Она.

Теперь Сергей это точно знал.

— Ну, конечно, конечно, Мариночка, — расплылась в улыбке тетя Клава.

«Уже Мариночка, — отметил Сергей. — Профессиональная коммуникабельность — залог успеха.

Он нерешительно потоптался на месте.

— Ой, а Вы тоже дачник? — она уставила прямо в лицо Сергея свои любопытные голубые прожектора.

— Дачник... — нелюбезно буркнул Сергей.

Она явно намеревалась затеять разговор. Может и стоило с ней пообщаться, но Сергей твердо решил: «Никаких общений. Со своими «покойниками» лучше не общаться».

— А как Вас зовут? — не унималась блондинка.

— Извините, — сухо поклонился Сергей, — Но я тороплюсь...

Конечно это заявление выглядело фальшиво там, где никто никуда не торопится. И тетю Клаву такое поведение Сергея разочаровало — бедняга уже предвкушала развитие событий по канонам

мексиканского сериала. А он сунул быстро деньги и почти выбежал на крыльцо. И пошел, пошел, не оглядываясь.

Только отмахав метров триста по улице, он опомнился и присел на лавочку покурить, пережевать впечатления первого свидания.

«Фу ты черт, вот так дива, — Сергей смахнул пот со лба и жадно затянулся. — Интересно, она планировала любовную интрижку с жертвой? Наверно... Иначе зачем нужны подобные спецы в секретной службе. А забавно — она и рядом я. Да... С ней разве что Жан-Поль Бельмондо будет смотреться. Мисс Лепетиха. Стерва... Еще хуже Принцессы, та хоть...»

В каких уголках его души таилась та самая слепая и необузданная ярость, Сергей не ведал. Раньше она пряталась в самом сокровенном местечке, и не переживи Сергей того, что пережил, это первобытное звериное чувство может никогда бы и не выползло на свет Божий. Но оно вырвалось из клетки, когда Сергей узнал о смерти жены, и загнать его обратно он был уже не в силах.

И что провоцировало зверя на прыжок? Какой импульс пробивал кору мозга, то самое серое вещество? И куда после его удара девалась логика, управляемость, все человеческое? Человек в нем переставал существовать и рождался зверь — хитрый, расчетливый, зверь без жалости и

сострадания. Вот и теперь все произошло мгновенно. Он достал еще сигарету — вдруг смял ее, отшвырнул.

«Завтра! Завтра же! Ужалою первым. Сука!»

Он поднялся, забросил удочки за плечо и зашагал твердо и уверенно.

Спал он в ту ночь на свежем воздухе, в саду. Галина Осиповна с пониманием отнеслась к его жалобе на ночную духоту и выдала продавленную кровать — раскладушку и толстый полосатый матрац. Знала бы она, какие соображения руководили Сергеем на самом деле. Проснулся еще до зари, даже хозяйка еще спала. Впрочем, что это был у него за сон, — так, полудрема. Проверил перед выходом «люгер», переложил его в нагрудный карман. Наскоро перекусил и отправился «на охоту».

Расчет прост: дачникам, даже если они агенты спецслужб, приходится разыгрывать роль. Чем могли заниматься в Лепетихе они? Грибной и охотничий сезоны еще не начались. Остается рыбалка, солнечные ванны да чтение.

Вчера и позавчера Их видели у Марьиного омута. «Муж» рыбачил, а «жена» загорала на травке. Эти сведения Сергей выведал у Галины Осиповны. Да что там выведывать — поинтересовался за ужином, чем занимаются коллеги-дачники, та и выложила все, что знала и

без всякой задней мысли.

Теперь он намеревался засесть возле омута в засаду. Местечко для засады можно сказать идеальное — он рыбачил там разок и запомнил лесок, что примыкал к берегу, густые камыши, плакучие ивы. Удобней, конечно, было засесть на противоположном берегу со снайперском винтовкой. Но винтовки у него не было и приходилось полагаться на оружие ближнего боя.

«Люгер» бил метров с двадцати наверняка — на таком расстоянии следовало оборудовать укрытие. Но уже на месте определился — засада в лесочке дело опасное. Слишком редкий подлесок и трава невысокая. На него могли наткнутся и мальчишки, что в эту пору оккупировали берега речки. Да и сама парочка могла засесть притаившегося охотника, прояви она хоть минимум бдительности. А рассчитывать приходилось на максимум.

Справа омут обрамляли густые камыши. Зеленым полуостровом они далеко выдавались в заливчик и представляли более надежное укрытие. Вопрос состояли лишь в том, как далеко от камышей расположится парочка... Но — выбора не оставалось.

Сергей снял сапоги и зашлепал по теплой воде в заросли. Кое-где вода доставала до пояса, но на эту мелочь он даже не обратил внимания. И место

нашел относительно сухое, а с него неплохо просматривалась крохотная полянка на берегу. Здесь и залег, словно крокодил.

«Супруги» появились около одиннадцати. Солнце уже жарило вовсю, и Сергею, что пятый час безвылазно торчал в своем логове, приходилось несладко. Как ни странно, камыши почти не давали тени. Гниющие водоросли и стоячая вода наполняли воздух нестерпимым зловонием. Лицо и руки Сергея терзала всякая кровососущая мерзость, и он только вздохнул облегченно, когда Они вывалили из кустиков. Подозрительно, но вышли они вовсе не с той стороны, откуда он ожидал.

Роль беспечных дачников они играли великолепно, пожалуй лучше, чем он сам. Даже теперь, когда вокруг не наблюдалось ни единой живой души, они вели себя просто и естественно, без малейших ужимок и переборов.

«А чего я, собственно, ожидал от них? — раздраженно выговорил сам себе Сергей. — Черных плащей, радиопередатчиков, кинжалов? Чушь...»

А все же в мужчине присутствовало «нечто». Здоровый, высокий мужик лет тридцати пяти. Уверенный в движениях и жестах, сильный самец. Ему была свойственна даже некая грация, грация мастерового, когда тот занимается привычным и любимым делом. Прекрасного сложения, хотя и без

подчеркнуто дутых и модных мышечных напластований. Просто широкоплеч, поджар, крепко сбит. Фигура не спортсмена, а человека, что привык к ежедневному физическому труду.

Она лениво стянула через голову легкий сарафан, расстелила на траве цветастое плотное покрывало и тотчас растянулась на нем, предоставив возможность солнцу приласкать шикарное тело.

Он деловито разобрал рыболовные принадлежности — короткий спиннинг, пару самоловов-закидушек с колокольчиками.

Все это время они переговаривались даже не вполголоса, а скорей шепотом. Сергей, во всяком случае, не расслышал ни единого слова, хотя и находился всего метрах в тридцати.

«Ну что, — размышлял он. — Сейчас или чуть позже? А... сейчас.»

Он медленно-медленно подтянул правую руку, размял пальцы и повертел затекшей кистью. Рукоятка «люгера» привычно и удобно легла в ладонь. Он еще подался вперед на полкорпуса и осторожно стволом пистолета раздвинул упругие стебли.

Она валялась неподвижно на спине, закинув руки за голову и нежилась в ласковых лугах. Он сгорбился над самоловами — прилаживал колокольчик.